

Научная статья
УДК 81'316.772.2
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-169
EDN: WVTZPA

Прагматическая специфика дискурсивных маркеров со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе

Александр Евгеньевич Купцов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kupcov.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Аннотация. Данное исследование фокусируется на прагматической специфике удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе. Художественный дискурс является воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста. В целом художественный дискурс представляет собой сложный и многогранный языковой феномен, который отражает культурные и художественные ценности общества. В рамках настоящей работы дискурсивные маркеры рассматриваются как языковые средства, которые связывают высказывания между собой и позволяют создать связный текст, что является важным элементом коммуникативного процесса. Дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса в английском и испанском языках способны акцентировать внимание адресата как на отдельных компонентах предложения-высказывания, так и на всем предложении-высказывании в целом. В англо- и испаноязычном художественном дискурсе данные лексические единицы вносят в высказывание различные оттенки дополнительных значений (смыслов), влияя на значение высказывания в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). Таким образом, дискурсивные маркеры усиливают выразительность речи и способны влиять на эмоционально-экспрессивную окраску высказывания. Особое внимание уделяется тому, как изучаемые лексические единицы со значением удивленного переспроса способствуют созданию эмоциональной окраски текста, усилению драматичности ситуации и формированию особой стилистики произведения. Исследование позволяет более глубоко понять особенности использования дискурсивных маркеров в художественном дискурсе и их воздействие на восприятие читателя, а также раскрывает специфику взаимодействия автора и читателя через использование дискурсивных маркеров в литературном произведении.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры; дискурс; художественный дискурс; прагматика; высказывание; контекст; коммуникация

Для цитирования: Купцов А. Е. Прагматическая специфика дискурсивных маркеров со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 169–175. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-169>. <https://elibrary.ru/WVTZPA>

Original article

Pragmatic specificity of discursive markers with the meaning of a surprised question in english and spanish literary discourse

Aleksandr E. Kuptsov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the english language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
kupcov.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Abstract. This study focuses on the pragmatic specifics of surprised questions in english and spanish literary discourse. Literary discourse is an embodiment of verbal message, capable of conveying aesthetic, emotional, figurative, as well as evaluative information, united in the ideological and artistic content of the text. In general, literary discourse is a complex and multifaceted linguistic phenomenon that reflects cultural and artistic values of society. This article considers discourse markers as linguistic means that connect statements with each other and help to create a coherent text, which is an important element of the communicative process. Discourse markers with the meaning of a

surprised question in english and spanish can focus the addressee's attention both on individual components of the sentence-utterance and on the sentence-utterance as a whole. In english and spanish literary discourse, these lexical units introduce various shades of additional meanings into the utterance, influencing the meaning of the utterance as a whole, thereby forming the pragmatic effect of the act of communication (discourse). Thus, discourse markers enhance the expressiveness of speech and are able to influence the emotional and expressive coloring of the utterance. Special attention is paid to how the studied lexical units with the meaning of a surprised question contribute to the creation of an emotional coloring of the text, enhance the drama of the situation and the formation of a special stylistics of the work. The study provides a deeper understanding of the discourse markers specific use in literary discourse and their impact on the reader's perception; moreover it reveals the specifics of the interaction between the author and the reader through the use of discourse markers in a literary work.

Key words: discourse markers; discourse; literary discourse; pragmatics; utterance; context; communication

For citation: Kuptsov A. E. Pragmatic specificity of discursive markers with the meaning of a surprised question in english and spanish literary discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):169–175. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-169>. <https://elibrary.ru/WVTZPA>

Введение

Функционально-коммуникативный подход рассматривает дискурс как средство коммуникации, которое используется для передачи информации, выражения мнений, убеждений и взаимодействия между коммуникантами. В рамках этого подхода дискурс рассматривается как социальное явление, отражающее специфические цели и задачи участников коммуникации. Так, функционально-коммуникативный подход к дискурсу анализирует тексты и речевые проявления с точки зрения их функционального назначения, то есть какие цели преследуются при использовании определенных языковых единиц в конкретной ситуации общения. Необходимо отметить, что данный подход также уделяет внимание контексту использования языка, социокультурным особенностям общения и взаимодействию между участниками дискурса. Таким образом, функционально-коммуникативный подход помогает понять, как язык используется для достижения определенных целей в различных ситуациях общения, а также как социокультурные факторы влияют на процесс коммуникации и восприятие текста [Бабаян, 2023а; Дейк, 1989; Купцов, 2022; Шилова, 2023а].

Обзор литературы по теме исследования позволил выявить, что научная теория дискурса представляет собой комплексный подход к изучению языка и коммуникации, который объединяет в себе элементы лингвистики, социологии, психологии, философии и других наук. Итак, основными принципами научной теории дискурса являются:

1. Дискурс как социокультурное явление: теория дискурса рассматривает язык и коммуникацию как социокультурные процессы, отражающие специфические ценности, нормы и установки общества. Дискурс анализируется как способ конструирования социальной реальности и формирования социальных отношений.

2. Дискурсивные практики могут служить инструментом воздействия на общество и формирования определенных представлений и убеждений.

3. Концепция интертекстуальности: теория дискурса подчеркивает важность интертекстуальных связей между различными текстами и дискурсами. Каждый текст взаимодействует с другими текстами, создавая сложную сеть значений и ассоциаций.

4. Контекстуализация дискурса: научная теория дискурса уделяет внимание контексту использования языка и влиянию социокультурных факторов на коммуникативные практики. Дискурс анализируется с учетом широкого контекста, включая социальные, политические, экономические и культурные аспекты.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение дискурса позволяет понимать, как люди используют язык для создания социальных, национальных, культурных и др. контекстов, так как видение мира отражается в дискурсе через выбор различных языковых средств, которые маркируют культурные, социальные и идеологические особенности говорящего и его сообщества. Таким образом, дискурс является важным инструментом социального контроля и определения социальных норм и ценностей [Бабаян, 2023б; Дейк, 1989; Купцов, 2017; Шилова, 2023б].

В. Н. Бабаян детерминирует дискурс как единство текста, контекста и ситуации общения. Текст рассматривается как последовательность связных высказываний, которые имеют определенную структуру и функцию. Контекст содержит факторы, которые влияют на коммуникацию, такие как социальный статус коммуникаторов, цель общения, тема и др. Ситуация общения определяет условия, в которых происходит коммуникация [Бабаян, 2023б]. Таким образом, дискурс – это не просто набор отдельных слов и фраз, но структу-

рированная и связная речь, которая имеет определенную цель и контекст.

Что касается художественного дискурса, то его целью является передача эстетических и художественных ценностей, вызов эмоционального отклика у читателя или зрителя, а также создание особой атмосферы и образности. Так, М. Я. Блох полагает, что основной функцией художественных текстов является пробуждение эстетического чувства у читающего. Языковые средства, которые автор использует при написании художественного текста, создают образы персонажей, «преломленного авторским воображением в составной элемент его произведения». Следует отметить, что диктено-текстовый комплекс информации организуется когнитивно-коммуникативному содержанию [Блох, 2000]. Таким образом, определить художественный дискурс можно через ряд ключевых характеристик:

1. Использование литературных приемов и стилей: в художественном дискурсе авторы часто прибегают к использованию метафор, символов, образов, аллегорий, повествовательных приемов и других художественных средств для создания особой атмосферы и передачи своей идеи.

2. Эмоциональная и символическая нагрузка: в художественном дискурсе важную роль играют эмоции, чувства и символы. Авторы стремятся вызвать у читателя определенные эмоциональные реакции, передать свои мысли и идеи через символические образы.

3. Свобода творчества и фантазии: художественный дискурс отличается творческим подходом к использованию языка. Авторы могут играть с формой, структурой текста, использовать нестандартные приемы и техники для достижения желаемого эффекта.

4. Многозначность и интерпретируемость: тексты художественного дискурса часто обладают многозначностью и открыты для различных интерпретаций. Читатель имеет возможность воспринимать произведение на разных уровнях и находить в нем новые значения и смыслы.

Таким образом, можно сделать вывод, что художественный дискурс – это особый вид коммуникации, который использует художественные средства и приемы для передачи эстетических ценностей, вызова эмоционального отклика и создания особой культурно-национальной атмосферы. Культурно-национальная специфика любого языка отражается в лексических единицах, то есть в национальном корпусе его словаря. Таким образом, художественный дискурс, дискур-

сивные маркеры и лингвокультуры тесно связаны между собой. Художественный дискурс и дискурсивные маркеры отражают лингвокультуры, которые существуют в определенном обществе или культуре.

Анализ лингвистической литературы, посвященной дискурсивным маркерам, позволил выявить значительное терминологическое разнообразие. Так, например, данные лексические единицы называют маркерами дискурса [Егорова, 2009], дискурсивными словами [Дискурсивные слова, 1998, Кобозева, 2007, Шерстяных, 2012, Карасик, 2016], дискурсивами [Паршина, 2012, Шалимова, 2016], дискурсивными частицами [Fischer, 2000, Stede, 2000, Aijmer, 2002], коммуникативными частицами [Купцов, 2022], модальными частицами [Аверина, 2016], логическими частицами [Го, 2017], модальными словами [Виноградов, 1986], модальными операторами [Радбиль, 2014], прагматемами [Богданова-Бегларян, 2014], вспомогательными коммуникативными единицами, конструктивно-синтаксическими единицами [Викторова, 2015, Купцов, 2023] и т. д.

Теория дискурсивных маркеров предполагает, что в языке существуют определенные слова, выражения или конструкции, которые несут дополнительную информацию о структуре и организации дискурса. Дискурсивные маркеры помогают структурировать и организовать текст, указывают на связи между частями текста, выделяют ключевые моменты или идеи, а также управляют вниманием читателя/слушателя [González Sanz, 2015; Redeker, 1991]. Следует отметить, что определенные дискурсивные маркеры влияют на способ восприятия и интерпретации текста или коммуникации, то есть данные лексические единицы имеют различные денотативно-коннотативные значения. Так, А. А. Кибрик полагает, что дискурсивы регулируют дискурсивный процесс в целом [Кибрик, 1992]. Д. Шиффрин отмечает, что употребление данных лексем зависит, прежде всего, от последовательности смыслов, которые функционируют в различных сферах: когнитивной, социальной, экспрессивной и др. [Schiffrin, 1987].

Гипотеза

В рамках настоящей работы дискурсивные маркеры рассматриваются со значением удивленного переспроса, которые используются говорящим для выражения удивления, недоумения, неожиданности или неуверенности по поводу информации, полученной от собеседника. Данные лексические единицы являются важными элемен-

тами в коммуникативно-прагматическом аспекте, так как отражают стратегию ведения разговора и позицию говорящего по отношению к сообщаемым фактам [Борисова, 2018; Карасик, 2002; Купцов, 2012].

Методы исследования

Основные методы исследования: метод лингвистического наблюдения и описания, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки лингвистического материала.

Материалом служат примеры, взятые из национальных корпусов языка, а также тексты английской и испанской художественной литературы XX и XXI вв.

Результаты исследования

Как показал анализ корпуса исследуемого материала, дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе довольно часто используется для передачи эмоционального оттенка, создания напряженности или интриги. Данные лексические единицы помогают выразить удивление или недоумение героев или персонажей и подчеркнуть важность или неожиданность событий в сюжете, создавая драматический эффект.

Считаем уместным и целесообразным привести примеры контекстов, в которых дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса используются в качестве средства реализации речевых актов.

1. Функция уточнения:

(англ.) *That's why I want you to come and help me find out who did it and unravel the mystery and all that. It really is rather thrilling, isn't it?* (Christie);

(исп.) – *Como usted quiera. Pero le repito que esa mujer le está a usted engañando. Si no fuera así y si usted la quiere y es ese su gusto, ¿qué más quisiera yo sino que usted se casase con ella?* (Unamuno).

– *Pero ¿dices todo eso de verdad?*

Данные дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса используются для запроса дополнительной информации или уточнения сказанного.

2. Функция подтверждения:

(англ.) *'Nothing will induce me ever to live with you again, my dear,' said Albert in, however, a perfectly friendly fashion.*

'You're not serious?'

'Quite.'

(исп.) – *Hay una fiesta ahora - le dije. ¿Quieres venir?*

– *Gracias, pero no puedo – rehusó ella mi invitación.*

– *¿Seguro? – insistí yo, pese a ello.*

Данные лексические единицы в англо- и испаноязычном художественном дискурсе используются для подтверждения полученной информации.

3. Функция выражения эмоций:

(англ.) *«She's never worked or lifted a finger. She's just batted on other people. She's a parasite – and a damned unpleasant parasite. There are a lot of people on this boat I'd say the world could do without».*

«**Really?**»

«Yes. That girl in here just now, signing share transfers and throwing her weight about (Christie);

(исп.) – *¡Llévale la hebra y dile que sí!*

– *Pero ¿cómo? ¿Voy a darle alas?» (Unamuno).*

Использование дискурсивных маркеров удивленного переспроса в художественном дискурсе помогает выразить эмоциональную реакцию на услышанное.

4. Функция иронии:

(англ.) *She moved away. Ferguson said to Poirot.*

«Do you think she really means that?»

«Certainly.»

«She prefers that pompous old bore to me?»

«Undoubtedly.» (Christie);

(исп.) *¿Qué sucedería si caía al suelo? Necesitaba... ¡una piedra!, una piedra sobre sus espaldas, un largo camino que recorrer cargado con una piedra para su Virgen. «¿Dónde estás ahora? ¿De verdad son éstos tus representantes?» Sólo era un niño y sin embargo... ¿Por qué no iba a aguantar ahora?» (Falcones).*

Дискурсивные маркеры со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе используются для выражения иронии или сарказма.

5. Функция сомнения:

(англ.) *«But the second thing that interested me was your mention of a certain lady». «Really?» «Yesa Miss Joanna Southwood. You see, I had recently been hearing that name». He paused and went on (Christie);*

(исп.) *Los ojos de doña Sol mostraron un sincero asombro.*

– *¿Está usted seguro? – preguntó-. ¿Es cierto eso? Le juro que no me acuerdo de nada... (Ibáñez).*

Дискурсивный маркер и вопросительная интонация в удивленном переспросе может указывать

на сомнение в правильности или истинности информации в художественном дискурсе.

6. Функция установления контакта:

(англ.) «Which do you wish: to persuade me that you see five, or **really** to see them?»

«**Really** to see them». (Christie);

(исп.) ¿Y el futuro? ¿Dónde estaría el futuro? ¿Existía el futuro **de verdad**? ¿Existía o era tan sólo otro sueco como el que había vivido hasta entonces?(Llamazares).

Дискурсивные маркеры и удивленный переспрос в англо- и испаноязычном художественном дискурсе используются для установления контакта и продолжения диалога.

7. Функция выражения неодобрения или негативной реакции на услышанное:

(англ.) 'It sounds as though there were three or four men down there,' said

the doctor. 'Don't you think it's rather rash to go in **just now**?' (Christie);

(исп.) – Y **¿sólo** hay que vivir en la ciudad? – rompió el silencio un muchacho, uno de los que habían mirado al cielo, soñando a buen seguro con romper las cadenas que lo ataban a la tierra –. ¿Por qué en Barcelona se puede ganar la libertad? (Falcones).

Заключение

Таким образом, можем заключить, что прагматическая специфика дискурсивных маркеров со значением удивлённого переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе играет важную роль в создании эмоциональной окраски, усилении драматичности сюжета и передаче эмоций персонажей. Удивленный переспрос как лингвистический инструмент используется авторами для привлечения внимания читателя, выражения чувств героев и создания напряженности в сюжете. Анализ и выявление коммуникативно-прагматических функций дискурсивных маркеров позволяет лучше понять, как языковые средства используются для достижения литературных целей и создания особой атмосферы в художественном тексте.

Библиографический список

1. Аверина А. В. Функции модальных частиц в немецких научных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 71–83.
2. Бабаян В. Н. Лингвопрагматические особенности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса / В. Н. Бабаян, А. Е. Купцов // Верхневолжский филологический вестник. 2023а. № 2(33). С. 142–151.

3. Бабаян В. Н. Молчаливый наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023б. № 2. С. 34–43.

4. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 57–67.

5. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.

6. Борисова Е. Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 34–48.

7. Виноградов В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). Москва : Высшая школа, 1986. 639 с.

8. Викторова Е. Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков). Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 196 с.

9. Го Л. Семантические функции логических частиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (69). С. 79–82.

10. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. 310 с.

11. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. Москва : Метатекст, 1998. 447 с.

12. Егорова М. А. Английские «маркеры дискурса» в гносеологическом и онтологическом аспектах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 18–22.

13. Карасик В. И. Дискурсивные слова как эмблемы личности // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 26–34.

14. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). Москва : МГУ, 1992. 336 с.

15. Кобозева И. М. Означающее дискурсивных слов русского языка как объект когнитивно ориентированного описания: проблема метаязыка // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва : Изд-во МГУ, 2007. С. 466–467.

16. Купцов А. Е. Лексические средства выделения темы в предложении (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 383–385.

17. Купцов А. Е. Усилительные частицы как средство маркирования темы в испанском и русском предложении // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 195–197.

18. Купцов А. Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет

им. К.Д. Ушинского, 2022. 183 с.

19. Паршина О. Н. Дискурсивы как средство вербализации речемыслительных процессов в устном политическом тексте // *Rhema. Рема*. 2012. № 3. С. 83–90.

20. Радбиль Т. Б. Национальные модели коммуникации в лингвистическом освещении: к постановке проблемы // *Коммуникативные исследования*. 2014. № 1. С. 41–50.

21. Шалимова П. А. К вопросу о функциях дискурсивов в устной речи // *Язык и культура*. 2016. № 23. С. 73–78.

22. Шерстяных И. В. Дискурсивное слово «хорошо» и его функции в современном русском языке // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия: Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 68. С. 146–152.

23. Шилова Н. В. Дискурсивные частицы как средства выражения коммуникативной структуры предложения // *Когнитивные исследования языка*. 2023а. № 3-2(54). С. 335–339.

24. Шилова Н. В. Отрицательная оценочная семантика дискурсивных маркеров во франкоязычном художественном дискурсе // *Когнитивные исследования языка*. 2023б. № 4(55). С. 680–683.

25. Aijmer K. *English Discourse Particles: Evidence from a Corpus*. Amsterdam / New York : John Benjamins, 2012. 298 p.

26. Fischer K. *From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles*. Berlin / New York : Walter de Gruyter, 2000. 383 p.

27. González Sanz M. *El discurso parlamentario andaluz: estrategias argumentativas pertenecientes al plano léxico* // *Estrategias argumentativas y discurso político*. Madrid : Arco/Libros, 2015. P. 223–250.

28. Redeker G. Review article: Linguistic markers of discourse structure // *Journal of Linguistics*, 1991. Vol. 29. N 6. P. 1139–1172.

29. Schiffrin D. *Discourse markers*. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.

30. Stede M. *Discourse Particles and Discourse Functions* // *Machine Translation*. 2000. № 15. P. 125–147.

Reference list

1. Averina A. V. Funkcii modal'nyh chastic v nemeckih nauchnyh tekstah = Modal particles functions in German scientific texts // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija: Lingvistika. 2016. № 1. S. 71–83.

2. Babajan V. N. Lingvopragmaticheskie osobennosti vyskazyvanij-replik anglojazыchnogo dialogicheskogo hudozhestvennogo diskursa = Linguopragmatic characteristics of utterances in English dialogic literary discourse / V. N. Babajan, A. E. Kupcov // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2023а. № 2(33). S. 142–151.

3. Babajan V. N. Molchashhij nabljudatel' kak producent dialogicheskogo diskursa terciarnoj rechi = The silent observer as a producer of dialogic discourse of tertiary speech // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2023b. № 2. S. 34–43.

4. Bloh M. Ja. Diktema v urovnevoj strukture jazyka = Dictema in the language level structure // *Voprosy jazykoznanija*. 2000. № 4. S. 57–67.

5. Bogdanova-Beglarjan N. V. Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponjatija i obshhaja tipologija = Pragmatemes in oral everyday speech: concept definition and general typology // *Vestnik Permskogo universiteta*. 2014b. Vyp. 3 (27). S. 7–20.

6. Borisova E. G. Upravlenie ponimaniem. Jazykovye edinicy, regulirujushhie ponimanie soobshhenija = Managing comprehension. Language units that regulate the message understanding // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 9. Filologija. 2018. № 6. S. 34–48.

7. Vinogradov V. V. *Russkij jazyk : (Grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language : (Grammatical doctrine of the word)*. Moskva : Vysshaja shkola, 1986. 639 s.

8. Viktorova E. Ju. *Kommunikativy v razgovornoj rechi (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Communicatives in colloquial speech (on the material of Russian and English languages)* Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 196 с.

9. Go L. *Semanticheskie funkcii logicheskikh chastic = The semantic functions of logical particles* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 3-1 (69). S. 79–82.

10. Dejk T. A. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija = Language. Cognition. Communication*. Moskva : Progress, 1989. 310 s.

11. *Diskursivnye slova russkogo jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanija = Discursive words of the Russian language: experience of contextual semantic description / pod red. K. Kiselevoj i D. Pajara*. Moskva : Metatekst, 1998. 447 s.

12. Egorova M. A. *Anglijskie «markery diskursa» v gnoseologicheskom i ontologicheskom aspektah = English «discourse markers» in epistemological and ontological aspects* // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. 2009. № 1. S. 18–22.

13. Karasik V. I. *Diskursivnye slova kak jemblemы lichnosti = Discursive words as personality emblems* // *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2016. №1. S. 26–34.

14. Kibrik A. E. *Oчерки po obshhim i prikladnym voprosam jazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v jazyke) = Essays on general and applied linguistics (universal, typical and specific in language)*. Moskva : MGU, 1992. 336 s.

15. Kobozeva I. M. *Oznachajushhee diskursivnyh slov russkogo jazyka kak obekt kognitivno orientirovannogo opisanija: problema metajazyka = The signifier of Russian discursive words as an object of cognitive-oriented description: the problem of meta-language* // III Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka

«Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». Moskva : Izd-vo MGU, 2007. S. 466–467.

16. Kupcov A. E. Leksicheskie sredstva vydelenija temy v predlozhenii (na materiale ispanskogo jazyka) = Lexical means of emphasizing the topic in a sentence (on the material of Spanish language) // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2012. № 11. S. 383–385.

17. Kupcov A. E. Usilitel'nye chasticy kak sredstvo markirovanija temy v ispanskom i russkom predlozhenii = Emphatic particles as a means of topic marking in Spanish and Russian sentences // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 23. № 3. S. 195–197.

18. Kupcov A. E. Diskursivnye chasticy v hudozhestvennom tekste: kommunikativno-pragmatischekij i lingvokul'turnyj aspekty = Discursive particles in literary text: communicative-pragmatic and linguocultural aspects. Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2022. 183 s.

19. Parshina O. N. Diskursivy kak sredstvo verbalizacii rechemyslitel'nyh processov v ustnom politicheskom tekste = Discursives as a means of verbalizing speech-thought processes in oral political text // Rhema. Rema. 2012. № 3. S. 83–90.

20. Radbil' T. B. Nacional'nye modeli kommunikacii v lingvisticheskom osveshhenii: k postanovke problemy = National communication models in terms of linguistics: towards stating the problem // Kommunikativnye issledovanija. 2014. № 1. S. 41–50.

21. Shalimova P. A. K voprosu o funkcijah diskursivov v ustnoj rechi = Toward a question of discursive functions in oral speech // Jazyk i kul'tura. 2016. № 23. S. 73–78.

22. Sherstjanyh I. V. Diskursivnoe slovo «horosho» i ego funkcii v sovremennom russkom jazyke = Discursive

word «horosho» and its functions in modern Russian language // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Iskusstvovedenie. 2012. Vyp. 68. S. 146–152.

23. Shilova N. V. Diskursivnye chasticy kak sredstva vyrazhenija kommunikativnoj struktury predlozhenija = Discursive particles as means of expressing the sentence communicative structure // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2023a. № 3-2(54). S. 335–339.

24. Shilova N. V. Otricateľ'naja ocenocnaja semantika diskursivnyh markerov vo frankojazychnom hudozhestvennom diskurse = Negative evaluative semantics of discourse markers in French literary discourse // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2023b. № 4(55). S. 680–683.

25. Aijmer K. English Discourse Particles: Evidence from a Corpus. Amsterdam / New York : John Benjamins, 2012. 298 p.

26. Fischer K. From cognitive semantics to lexical pragmatics: The functional polysemy of discourse particles. Berlin / New York : Walter de Gruyter, 2000. 383 p.

27. González Sanz M. El discurso parlamentario andaluz: estrategias argumentativas pertenecientes al plano léxico // Estrategias argumentativas y discurso político. Madrid : Arco/Libros, 2015. R. 223–250.

28. Redeker G. Review article: Linguistic markers of discourse structure // Journal of Linguistics, 1991. Vol. 29. N 6. P. 1139–1172.

29. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.

30. Stede M. Discourse Particles and Discourse Functions // Machine Translation. 2000. № 15. P. 125–147.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 06.04.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 06.04.2024; accepted for publication on 15.05.2024